

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Опубликованные на страницах журнала¹ материалы экспресс-опроса «Почему Великая Отечественная?» вызвали живой отклик не в только читательской аудитории, но и профессиональном сообществе. Мы продолжаем публикацию поступающих в редакцию откликов и начинаем обсуждение довольно болезненной для нашего общества проблемы, связанной с формированием «мест памяти» о Великой Отечественной войне. Будучи поистине всенародной и во многом превратившись в легенду, война оставила о себе и разные памяти. Эти памяти, принадлежащие не только непосредственным участникам и очевидцам событий того времени, но и их профессиональным создателям в лице историков, властно вторгаются в пространство сегодняшней жизни и нередко становятся ареной ожесточенных идеологических столкновений. Происходящие на наших глазах битвы за храм Мнемозины формируют новые виды памяти и требуют самого тщательного осмысления.

Материалы рубрики подготовлены ее редактором, доктором исторических наук Т. П. Хлыниной.

**МАТЕРИАЛЫ ЭКСПРЕСС-ОПРОСА
«ПОЧЕМУ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ?»**

СЕНЯВСКАЯ ЕЛЕНА СПАРТАКОВНА

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук, член Союза писателей России

1. Расскажите, когда впервые Вы поняли, что изучение Великой Отечественной войны – Ваша профессиональная судьба.

Интерес к истории Великой Отечественной проявился у меня с детства, в первую очередь благодаря отцу-фронтовику Спартаку Леонидовичу Сенявскому, с которым мы были очень дружны, как только могут дружить отец с дочерью. Каждый год 9 мая ходили вместе в Парк культуры имени Горького на встречи ветеранов, искали его однополчан. Помню непередаваемую атмосферу тех «праздников со слезами на глазах», свою гордость, когда шла рядом с отцом, а на его пиджаке звенели медали... Потому, наверное, с особым интересом читала книги и смотрела фильмы про войну, слушала фронтовые песни, сама сочиняла стихи на во-

¹ Былые годы. 2010. № 2 (16). С. 73–77.

енную тему. У моего поколения, рожденного в конце 1960-х, было «фоновое знание» о Великой Отечественной, которого, к сожалению, нет у сегодняшней молодёжи.

После окончания школы я поступила на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В качестве общественной работы с первого до последнего курса руководила Комнатой боевой славы, собирала для нее материалы, проводила экскурсии, организовывала встречи студентов с ветеранами. Когда на 3-м курсе началась специализация, сомнений не было: написала заявление на кафедру, которая тогда еще называлась «История СССР периода социализма». Тему дипломной работы сформулировала сама: «Духовный облик защитника Родины в Великой Отечественной войне (По солдатским и офицерским мемуарам, фронтовым письмам, литературе и песенному фольклору военных лет)». Это и стало началом моей научной деятельности.

2. Что повлияло на Ваш выбор?

Воспитание отца. А потом память о нём. Он рано ушел из жизни и не успел увидеть моих книг. Но каждая из них посвящена ему и его поколению.

3. Насколько последовательно Вы придерживались и придерживаетесь его в своей исследовательской деятельности?

Выбор действительно оказался на всю жизнь. И военная тема, и особый ракурс в ее изучении — через мысли, чувства, переживания участников войны. То, что сегодня с полным правом носит название новой научной отрасли — военно-исторической антропологии — было заложено в той самой дипломной работе, написанной в 1989 г.

4. Не возникало ли у Вас желания расширить профессиональные рамки своей деятельности, переключиться на изучение иных сюжетов отечественной или мировой истории?

И возникло, и было реализовано. Но это естественный процесс научного поиска. Сначала я изучила психологию фронтового поколения Великой Отечественной войны — в 1992 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Духовный облик фронтового поколения (Методологические и источниковедческие проблемы изучения)», в 1995 г. опубликовала монографию «1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование», за которую три года спустя была удостоена Госпремии. Вскоре я поняла, что созданная мной психологическая модель, в сущности, универсальна и применима к другим вооруженным конфликтам. Захотелось посмотреть, насколько эффективно она работает. Поэтому следующим этапом стало сравнительное историко-психологическое исследование Первой мировой, Великой Отечественной и Афганской войн, которое в 1997 г. воплотилось в монографии «Человек на войне. Историко-психологические очерки». Получилось. Нужно было двигаться дальше. В 1999 г. я защитила докторскую диссертацию на тему «Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование», которая в том же году была опубликована в виде монографии «Психология войны в XX веке: исторический опыт России», где сравнивались уже все внешние войны нашей страны в XX в. Но при этом Великая Отечественная по-прежнему оставалась для меня одним из главных объектов изучения. И в следующей книге — «Противники России в войнах XX века: эволюция “образа врага” в сознании армии и общества», опубликованной в 2006 г., самый большой раздел посвящен Великой Отечественной.

5. Насколько Вы удовлетворены тем, как на сегодняшний день в отечественной и зарубежной исследовательской практике освещается история Второй мировой войны и ее неотъемлемой части — Великой Отечественной войны?

Говорить о сегодняшнем дне сложно — слишком противоречивые тенденции существуют и развиваются параллельно. С одной стороны, появился доступ ко многим закрытым ранее источникам, получили развитие новые исследовательские направления и подходы к изучению истории войны. А вместе с тем столько всплыло мутной пены, псевдонаучных открытий и откровенных фальшивок, как зарубежных, так и, к сожалению, доморощенных, которые в отличие от серьезных исследований издаются массовыми тиражами... Издательства в расчете на коммерческий успех готовы печатать что угодно, любой бред, лишь бы он пользовался спросом. А спрос неискушенного читателя обеспечивается в том числе и достаточно агрессивной рекламой. В результате нормальным ученым приходится тратить время на то, чтобы

разъяснять читающей публике, что большинство подобных изысканий к науке отношения не имеет, а является типичным продуктом информационной войны. Только печатаются такие разъяснения, как правило, в узкопрофессиональных изданиях с мизерным количеством экземпляров. Вполне естественно, что такое положение дел удовлетворения не вызывает.

6. Как бы Вы охарактеризовали современную ситуацию, сложившуюся в изучении войны, и в каких, на Ваш взгляд, серьезных изменениях она нуждается.

Современную ситуацию вокруг изучения войны я бы назвала «битвой за прошлое» — за историческую память, за интерпретацию истории. Это одна из решающих областей идеологического противостояния, поскольку память о Великой Отечественной — ценностное ядро нашего национального самосознания. Поэтому она и подвергается столь массированным атакам со всех сторон. А когда в интерпретацию истории вмешиваются политики, журналисты, правозащитники, математики, физики и все, кому не лень, говорить о чистой науке уже не приходится. Хотелось бы, конечно, чтобы историей занимались только профессионалы, но это, к сожалению, невозможно.

7. Согласуется ли Ваша исследовательская позиция с устоявшимися в отечественной историографии представлениями и суждениями о событиях того времени? Существует ли у Вас потребность и возможность донести свою точку зрения до профессионального сообщества историков?

Моя исследовательская позиция заложила основы новой научной отрасли — военно-исторической антропологии. Поэтому говорить о ее согласованности с устоявшимися в традиционной историографии представлениями не имеет смысла: это просто другая исследовательская парадигма. Что касается оценок *событий* военного времени, то, безусловно, в чем-то мои взгляды совпадают с общепринятыми, а в чем-то нет. Вопрос в том, что именно считать «устоявшимися представлениями», какую избрать точку отсчета.

Потребность поделиться результатами своих исследований у меня, естественно, существует, как и у каждого ученого. Что касается возможности — никогда не испытывала затруднений в том, чтобы донести свою точку зрения до коллег.

8. С кем Вы предпочитаете обсуждать результаты своих изысканий? Какие формы представления полученных знаний Вы преимущественно используете и почему?

Обсуждать результаты своей работы лучше всего в кругу единомышленников, в том числе учеников. Формы представления полученных знаний использую самые обычные — публикация книг, статей, выступления на конференциях и круглых столах. В преподавательской практике — читаю спецкурсы по новому научному направлению в разных вузах России.

9. Как рождаются замыслы Ваших исследований? Какова технология их воплощения в жизнь?

Очень часто импульс к новому исследованию дает именно источник. Иногда достаточно прочесть одно солдатское письмо, чтобы «творческая кухня» заработала на полную мощность. По глубине мыслей и чувств многие из этих писем могут поспорить с философскими трактатами.

10. Изменилась ли, на Ваш взгляд, роль архивного источника в исследованиях по истории войны? Насколько новый (не введенный в научный оборот) архивный материал способен качественно изменить наши представления о событиях того времени? Каким видам источников Вы отдаете предпочтение?

Не думаю, что сейчас стоит ждать сенсаций от архивных документов. Уточнение каких-то моментов, детализация, конкретика — всё это благодаря архивам, безусловно, будет продолжаться. Но качественного изменения наших представлений о событиях войны, скорее всего, не произойдет. Разве что станут общедоступными материалы о полёте Рудольфа Гесса, которые британское правительство обещало рассекретить через 30 лет после его смерти. Осталось дождаться 2017 г. Но интуиция подсказывает, что и тогда мы их вряд ли увидим.

На самом деле всё зависит от вида и характера исследования, его целей и задач. Например, тем, кто занимается военной антропологией или историей повседневности, вполне хва-

тает давно открытых и опубликованных источников. Другое дело, что они требуют нового прочтения, изучения в таком ракурсе, под каким раньше не рассматривались.

Лично я предпочитаю источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания, а также фронтовую поэзию и песенный фольклор военных лет. Только на этом материале можно раскрыть множество тем, которые еще никем не исследовались. Впрочем, любые источники хороши. Главное – ставить перед ними правильные вопросы.

11. Нуждается ли история Великой Отечественной войны в новом теоретическом осмыслении? Следует ли вообще «теоретизировать» войны или достаточно их «описывать так, как они происходили на самом деле»?

От нового теоретического осмысления истории, в том числе и Великой Отечественной войны, никуда не денешься: это объективный процесс. Особенно в плане привлечения междисциплинарных принципов и подходов. Благодаря этому происходит расширение проблемного исследовательского поля. Иначе вся военная история свелась бы к описанию собственно «батальных полотен», тогда как война – явление многомерное, требующее всестороннего изучения.

12. Насколько, на Ваш взгляд, история Великой Отечественной войны востребована современным обществом? Что она может дать нынешнему российскому обществу и чем бы она могла стать для него в будущем?

Очень востребована. В духовном плане память о прошлом определяет способность нации к преодолению трудностей и препятствий, а значит, в решающей степени предопределяет настоящее и будущее. Наиболее важные из войн, «судьбоносные» для конкретных стран и народов, превращаются в важнейший элемент «опорного каркаса» национального самосознания, предмет гордости и источник, из которого народы черпают моральные силы в периоды новых тяжелых исторических испытаний. Для нас таким источником является память о Великой Отечественной. Именно поэтому мы должны заботиться о сохранении подлинной истории этой войны, не допускать ее искажений.

13. Как бы Вы определили (одним словом) свое личное участие в создании такого масштабного полотна, как история Великой Отечественной войны? Насколько его создание зависит от Ваших усилий и профессиональных достижений?

В одно слово не получается. Нужна предыстория.

В 1943 г. Илья Эренбург написал: «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют ее позднейшие исследователи». Приводя эти слова, я всегда подчеркивала, что задача историков научиться не только «понимать», но и «чувствовать» войну. Смею надеяться, что мне в результате многолетних исследований удалось не только самой «почувствовать» войну, но и научить этому других – всех тех, кто теперь работает в русле военно-исторической антропологии.